

М.Ф. Орлов

**Капитуляция Парижа. Политические
сочинения. Письма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.Ф. Орлов**
Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма / М.Ф. Орлов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 376 с.

ISBN 978-5-517-88292-9

М.Ф. Орлов (1788-1842) участник Отечественной войны 1812 г., подписавший в 1814 г. акт о капитуляции Парижа; друг Пушкина; активный деятель Союза благоденствия. В его воспоминаниях, показаниях, речах и письмах ставились важнейшие общественно-политические и эстетические проблемы. В настоящем издании собран воедино основной корпус сохранившегося литературного наследия Орлова, которое до того было почти забыто и не входило в литературно-научный оборот. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1963 года

ISBN 978-5-517-88292-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ВОСПОМИНАНИЯ

КАПИТУЛЯЦИЯ ПАРИЖА

Не трудно было заключить из положения военных действий, что Наполеон, отраженный попеременно при Лаоне и при Арсисе, был решительно слабее каждой из двух союзных армий, идущих концентрически на Париж. Владея внутренней линией, он имел полную возможность сосредоточить свои войска против того или другого из своих врагов, и несколько раз пытался воспользоваться сею стратегическою выгодною; но все усилия его остались тщетными и послужили только к тому, чтобы обнаружить вещественную слабость его сил. В этом почти отчаянном положении он прибегнул к последнему средству, уже внушенному не благоразумием, но дерзостью самой неслыханной. Итак, открыв совершенно Париж, предоставив собственным усилиям корпуса Мармона и Мортье, которые должны были следовать за ним, он среди белого дня, в глазах армии князя Шварценберга, стоявшей в боевом порядке, перешел смело через Обу и направился к своим рейнским пограничным крепостям, надеясь этим дерзким стратегическим движением вынудить неприятеля к отступлению, в чем не мог успеть повторенными усилиями своей пламенной и бурной тактики.

Но очарование давно уже было разрушено и хитрость была так груба, что никого не обманула. Союзники следовали за ним до Витри, для обеспечения сообщений между двумя армиями, а потом вдруг повернули и быстро двинулись на Париж; они уничтожали или опрокидывали все корпуса, которые попадались им на пути, и не только угрожали сообщениям неприятеля, которые он добровольно оставил, но самой столице и средоточию его могущества. Марта 17/29 наш авангард под начальством генерала Раевского занял с бою Бондийский лес, и главная квартира российского императора была учреждена в деревне того же имени, между тем как левое крыло шло через Шарантон и Венсен, а Блюхер наступал на Бурже. В тылу генерал Винценгероде следовал с сильной кавалерией за Наполеоном, а генерал Сакен занимал Мо, будучи готов или поспешить на помощь к большой армии, которая шла атаковать Париж, или стать в отпор Наполеону, если бы он

вздумал идти на защиту столицы своей. Это общее движение на Париж решило перелом, который впредь казался неизбежным и которого все следствия неминуемо должны были обратиться в нашу пользу.

Наполеон, сказавший в Вильне генералу Балашову, что он ходит на войну как на охоту, и может ежегодно гратить по 300 000 человек, не имел в империи своей двух Парижей, чтобы ставить их на карту и проиграть.

Марта 18/30, на рассвете, все мы собрались верхом на дворе Бондийского замка и ожидали минуты, когда государь вступит в верховное распоряжение решительной Парижской битвой. Уже пушки начали греметь и колонны наши приходили в движение, когда привели французского офицера, которого имя я забыл; он объявил себя парламентаром, но был, вероятно, бежавший военнопленный, сбившийся с дороги в тылу нашей армии. Его тотчас ввели к императору, который хотел сам сделать ему все расспросы и объявить волю свою. Во время этих переговоров, которые продолжались почти три четверти часа, генерал-адъютант Уваров сообщил мне, что графу Нессельроде препоручено вступить при первой возможности в переговоры о сдаче Парижа. Я заметил ему, что надобно было создать эту возможность и что для этого необходимо присоединить к нему человека военного, которому дать власть прекратить огонь везде, где он сочтет это нужным. Уваров согласился с моим мнением, пошел в замок, а через несколько минут кликнули и меня в кабинет его величества.

Положение императора было необыкновенно достопримечательно. Величаво и важно говорил он всякий раз, когда приходилось защищать общие европейские выгоды, но был снисходителен и кроток, как скоро дело шло о нем самом и его собственной славе. На деле участь мира зависела от него, а он называл себя только орудием провидения. Политический разговор его носил отпечаток этих двух положений: с уверенностью в победе он соединял заботливость почти отеческую о жребии побежденного врага. С первых слов, сказанных им мне, я понял этот двойственный характер и увидел, что день закончится решительными усилиями, за которыми последует честная капитуляция. По приходе моем император высчитал ясно и быстро все сведения, полученные им о состоянии неприятеля, присоединил к тому собственные замечания и заключил следующими достопамятными словами: «Ступайте,— сказал он мне,— я даю вам право остановить огонь везде, где вы сочтете это нужным. И для того, чтобы предупредить и отворотить все бедствия, облакаю вас властью, не подвергаясь никакой ответственности, прекращать самые решительные атаки, даже обещающие полную победу. Париж, лишенный своих рассеянных защитников и своего великого мужа, не будет в состоянии противиться. Я твердо убежден в этом. Богу, который даровал мне могущество и победу, угодно, чтобы я воспользовался тем и другим только для дарования мира и спокойствия Европе. Если мы можем приобрести этот мир не сражаясь, тем лучше; если же нет, то усту-

ним необходимости, станем сражаться, потому что волей или неволей, с бою или парадным маршем, на развалинах или во дворцах, но Европа должна ныне же ночевать в Париже».

На этот раз мне суждено было представлять Европу, ночующую в Париже: торжественное шествие союзников последовало не прежде, как на другой день.

Вот в каком расположении находился государь, отпуская нас. Я отправился вместе с французским офицером; с нами было два трубача. Мы отправились большим галопом к деревне Пантен, занятой русской пехотной бригадою. Огонь уже начался; все колонны были на марше, и общая перестрелка завязалась по всей линии.

Подъехав к передовым постам, я тотчас заставил прекратить с нашей стороны огонь и велел трубачам своим трубить; в то же время французский офицер, прибывший со мною, подъехал к своим и также успел прекратить их огонь. Получив этот первый успех, мы последовали за нашим парламентаром и приблизились к неприятелю на 30 или 40 шагов. Вскоре парламентар смешался с французами и после кратковременного разговора пропал у нас из виду. Мы еще стояли, не зная какой успех будет иметь попытка наша, как вдруг яростные крики, сопровождаемые общим залпом, возвестили, без всякого предупреждения, о возобновлении неприязненных действий. В то же время человек двадцать конных егерей, пользуясь удалением нашим от своих, бросились во весь опор на меня и полковника Дьякова, который выехал вместе со мною. Едва успел я выхватить саблю и отбить удары, наносимые мне, а между тем Дьяков, которого лошадь ухватили за узду, отделался от противника своего ударом нагайки. Все это сделалось в одно мгновение и когда, преследуемые по пятам, мы доскакали до деревни, то войска наши двинулись опять вперед и конные егеря, гнавшиеся за нами, попались в плен. Все они были пьяны и одушевлены, как мы видели, не природным, а искусственным пламенем. Этим кончилась первая попытка наша вступить в переговоры. За нею последовало много других, но везде, при различных обстоятельствах, успех был тот же, а между тем кровь продолжала литься, новые массы приходили на поле сражения и ядра начинали падать в самые населенные части города. Впоследствии я узнал, что одно такое ядро прикатилось, обессилев, к ногам одной из самых прелестных, самых щеголеватых женщин Парижа, потрясло благотворным ужасом слишком нежные нервы одного из высших чиновников города и имело решительное влияние на этот знаменитый день.

Битва началась в центре...

(Здесь пропущено все, что в записках относится к движению обеих сторон, и в извлечении сохранена только дипломатическая часть рассказа).

Усилия союзников и сопротивление неприятеля стоили многих жертв, прежде чем мы овладели деюевней Бельвиль и Сен-Шомонским холмом

В этом успели только к четырем часам пополудни, после осьми часов боя; и в ту минуту, когда государь делал смотр своей гвардии, намереваясь пустить ее на неприятеля, явился, наконец, настоящий парламентар с предложением открыть переговоры.

Император тотчас позвал меня к себе и повелел переговорить с присланным офицером. Объяснение было коротко: он не имел никаких полномочий, и просто требовал, чтобы остановили атаку; это значило бы отложить победу, а может быть, и упустить ее из рук. Ему отказали, и я получил предписание ехать тотчас с ним вместе к герцогу Рагузскому, который командовал прямо против нас.

Итак, мы поскакали во весь опор рядом, сквозь град картечи и пуль, подвергаясь оба опасности погибнуть от огня обоюдных врагов или друзей наших.

Первый человек, которого я встретил в самой передней цепи французских стрелков, был маршал Мармон. Он стоял со шпагою в руке, ободряя разреженные батальоны свои движениями и голосом к отчаянной защите. Вид имел он твердый и воинственный, но печальное лицо обнаруживало грызущую заботу человека государственного, на котором лежит огромная ответственность. Эта ответственность тяготела на нем одном вся вполне; он, казалось, уже тогда предвидел, что сделается целью, на которую устремятся все нападки партий, и жертвою раздраженной гордости национальной. Опасность была крайняя и каждая минута драгоценна. Слова герцога были сильны и коротки: решимость его быстра и полна. Увидев меня, он тотчас подошел ко мне и сказал без всяких околичностей:

— Я герцог Рагузский. Вы кто?

— Полковник Орлов, флигель-адъютант его величества императора всероссийского, который желает спасти Париж для Франции и мира.

— Это также наше желание и единственная надежда; без того всем нам осталось бы только умереть здесь. Условия ваши?

— Огонь остановится; французские войска войдут за укрепленные заставы; тотчас назначить комиссию для переговоров о сдаче Парижа.

— Согласен, и буду с герцогом Тревизским ждать вас у Пантенской заставы. Итак, к делу; прекратим, не мешкая, огонь по всей линии. Прощайте!

Я отправился, но, отъехав немного, воротился к герцогу и сказал ему: «Высота Монмартрская также должна быть очищена французскими войсками».

Он подумал с минуту и отвечал: «Это справедливо, она вне укрепленных застав».

В это время по всей французской линии раздавались крики: «Да здравствует император! Да здравствует великий Наполеон!» — и ясно было по

виду этих храбрецов, что крик этот, возбужденный самим маршалом, более обнаруживал с их стороны усердия к бою, чем радости о минутном прекращении опасности. Зрелище это было величественно. Борьба кончилась, но неизменно и во всей полноте своей сохранилась преданность.

Наши стояли в двух стах шагах оттуда. Барабаны ударили сбор; офицеры разъезжали по рядам, и только небольшое количество самых отчаянных солдат упорно продолжали стрелять в неприятеля. Никогда не забуду комического неудовольствия одного русского гренадера, которого я не допустил выстрелить, приказав ему воротиться к его роте. Он взглянул на меня с видом упрека и сказал умоляющим голосом, указывая рукой на французского стрелка, которого, вероятно, почитал личным врагом своим: «Ваше высокоблагородие, позвольте мне только этого подстрелить». Разумеется, что я не дал свободы его мщению или гневу, и он, возвратясь в ряды, ворчал против того, что называл моей непонятной несправедливостью.

В некотором расстоянии оттуда я нашел государя и прусского короля, которые, сошедши с лошадей, стояли на одном возвышении, где император сам устроил батарею из 24-х орудий. Прусский король благодарил наших офицеров за блистательную атаку, которую они совершили, ударив из деревни Пантен на фланг и тыл французских батарей Сен-Шомонского холма. Все с нетерпением ждали, какие я принесу вести. Едва кончил я рассказ, император позвал графа Нессельроде и дал ему инструкцию, составленную заранее вместе с прусским королем и князем Шварценбергом. Комиссию тотчас назначили. Она состояла из графа Нессельроде и меня. Князь Шварценберг присоединил к нам своего адъютанта, полковника Парра, а Нессельроде взял еще с собою капитана Петерсона, русского, уроженца Лифляндии, камергера при дворе российском, вступившего в военную службу из патриотизма, при самом начале войны. Мы тотчас поехали, направляясь к Пантенской заставе, где не замедлили встретить герцога Рагузского со всем его штабом; он принял нас за укрепленной заставой. Войска французские уже вступили в город и расположились вдоль по длинным рядам палисадов, сооруженных с обеих сторон входа, который защищала батарея (tambour) из нескольких орудий. Был пятый час вечера. С этой стороны огонь был совершенно прекращен, но со стороны Блюхера, куда известие о перемирии не успело достигнуть, пушки еще продолжали греметь.

Герцог Тревизский был уведомлен, но еще не являлся. Маршал Мармон предложил нам ехать к нему навстречу; мы приняли предложение и отправились по линии палисадов, по направлению к заставе Ла-Виллет. Я имел возможность заметить, что происходило в этой части города: войска французские заняли в порядке и с быстротой свои слабые укрепления; солдаты стояли вдоль палисадов, опираясь на ружья. Было

устроено несколько исходящих углов для фланкирования длинных куртин, почти совершенно открытых. Новые мундиры, которых мы не встречали на поле сражения, свидетельствовали о присутствии национальной гвардии. Впрочем, позади войск народу было мало или почти не было; не слышно было криков, не видно ни малейшего движения, никаких необыкновенных приготовлений; одним словом, это была защита спокойная, обдуманная, устроенная чисто в военном смысле, без сильного энтузиазма со стороны народа, без революционных импровизаций со стороны начальников. Нам очень было важно собрать все эти успокоительные признаки.

Приехав к Виллетской заставе, мы нашли герцога Тревизского, который собирался ехать нам навстречу. После непродолжительного разговора между двумя маршалами, мы вззошли в некоторого рода трактир, где переговоры тотчас начались. Не лишнее заметить, что во все их продолжение роль маршала Мортье ни на минуту не переставала быть страдательною. Знаком головы он изъявлял согласие на слова товарища своего или несогласие на наши предложения. Разговор поддерживал один герцог Рагузский, входя во все подробности переговоров. Надобно думать, что маршалы заранее согласились, как обоим действовать. Герцог Рагузский принял на себя политическую роль, а герцог Тревизский чисто военную: вывод войск из города и направление колонн.

Союзники выиграли сражение, и превосходство их сил и позиции было так очевидно, что самая гипотеза сопротивления чисто военного была неудобоприемлема. Итак, эту неоспоримую выгоду должно было обратить в свою пользу. Надобно было воспользоваться взятием Парижа как первым шагом ко всеобщему миру и для того уничтожить, подавить, сколько возможно, силы, которыми мог располагать Наполеон. Таким только образом можно было действовать согласно с истинным смыслом слов, сказанных императором Александром при начале этого дня, и именно в этом смысле граф Нессельроде открыл переговоры, предложив сдать город со всем гарнизоном, какой бы он ни был.

Этому предложению оба маршала воспротивились почти с негодованием. Они напоминали о прежних заслугах своих, высчитывали все сражения, в которых покрыли себя славою, и объявили единодушно, что лучше погребут себя под развалинами Парижа, чем подпишут такую капитуляцию.

Напрасно представляли мы им попеременно разные причины: и спасение Парижа, и ответственность, которую они принимают на себя; напрасно представляли, как необходимо употребить и моральное и физическое насилие, чтобы вынудить Наполеона к миру, на который он никогда не согласится добровольно. Это замечание, которого коснуться надобно было очень осторожно, не имело, как и все наши усилия, ни малейшего успеха. Маршалы

не помышляли о будущем и заботились только о том, чтобы сохранить честь свою в настоящем. Они оставались непоколебимыми; вдруг, среди самого разгара прений, пальба по крайней оконечности нашего правого крыла усилилась до чрезвычайности, а затем последовала живая перестрелка. Мы были в затруднении: в эту минуту неприятели наши могли и нас обвинить в вероломстве. По счастью, тотчас после того водворилась совершеннейшая тишина и вскоре узнали, что граф Ланжерон взял высоты Монмартрские, не получив еще известия о заключении перемирия; но что вслед за тем он прекратил атаки и уведомил даже французов о прекращении неприятельских действий. Это обстоятельство, непредвиденное ни с той ни с другой стороны, могло бы поколебать мужество менее испытанное, чем то, каким отличились оба маршала, и, доведя до отчаяния, принудить к принятию предложений наших. Но они продолжали упорствовать и граф Нессельроде решился возвратиться к союзным государям за новыми полномочиями и перенести театр переговоров на Сен-Шомонский холм. Итак, мы отправились в сопровождении одного французского генерала, помнится, Лапуанта, которому маршалы вверили судьбу войска и города; он должен был привезти им ультиматум союзников.

Сверх того, французский генерал имел при себе письмо от Наполеона к князю Шварценбергу. В этом письме силились доказать князю, что Наполеон открыл непосредственные переговоры с тестем своим, австрийским императором; что согласились уже во всех статьях и потому со стороны генерала австрийского было бы очень благоразумно тот же час прекратить нападение на Париж. Легко было видеть, что это лев в лисьей шкуре. Письмо князь отдал присутствующим государям, которые приняли на себя дать ответ самый отрицательный. После краткого совещания, к которому все мы были приглашены, решили отказаться от намерения принудить маршалов к положению оружия, но продолжать переговоры в том же смысле, т. е. с намерением подавить воинственный дух Наполеона, оковав средства, которые находились во власти его; и потому ультиматум нам не дан, и мы воротились к Виллетской заставе для возобновления переговоров на новом основании. Было уже 7 часов вечера, когда комиссары союзников явились к французским маршалам опять в то же самое место.

Граф Нессельроде после краткого предисловия, в котором выхвалял великодушие союзных государей, объявил положительно, что их величества согласны на очищение Парижа войсками, которые принадлежали к корпусам, сражавшимся под стенами Парижа, но предоставляют себе назначить этим войскам дороги, по которым они должны идти до известного расстояния. Существенно предложение это было только изменение первого.

Маршалы отошли в угол комнаты, и вскоре герцог Рагузский, подойдя к нам, представил, что Париж не окружен и не может быть окружен, что на деле все дороги открыты для французов, а потому должны быть свобод-

ны и по праву; но он желал бы, чтобы граф Нессельроде объяснил определеннее свое предложение и сказал дорогу, по которой армии французской назначено будет идти. Мы желали, чтобы она шла по дороге Бретанской, но едва назвали ее, как маршал объявил, что на этих условиях он не может переговариваться; что настоящий путь ретирады его для него открыт и очевиден; что, защищая Париж шаг за шагом, он не иначе мог быть отброшен, как на С.-Жерменское предместье, где он мог, перейдя чрез Сену и поставив ее между собою и союзниками, ретироваться на дорогу в Фонтенебло, а потому, чего нельзя отнять у него превосходством оружия, того не должно стараться приобрести условиями перемирия, несогласными с честью старого воина, и, одушевляясь постепенно, он наконец прибавил следующие слова:

«Господа, жребий оружия благоприятствовал вам; нет сомнения, что вы победили; я предвижу, что следствия этой победы будут неисчислимы. Будьте вместе и великодушны и благоразумны, не простирайте ваших требований до крайности. Советы великодушия часто бывают лучше советов силы».

Не было между нами никого, кто бы не понимал, сколько истины и чувства заключалось в представлениях маршала; на его месте каждый из нас сказал бы то же, ссылаясь на те же самые причины. Но мы действовали под влиянием данных нам инструкций. Повторим еще раз: наша миссия состояла в том, чтобы связать исполина битв, переломить в руке Наполеона меч его, а для этого надобно было разъединить, разбросать, рассеять его силы, уничтожить все стихии сопротивления и поставить его одного, обнаженного, со всем эгоизмом его гения и славы, пред лицом масс, которых могущества он так долго не признавал и которых презирал мнение, — пред лицом Европы, отвергавшей его из предусмотрительности, пред лицом Франции, которая отказывалась от него по изнеможению. Вот цель, за которой мы усердно гнались, вопреки военных сочувствий наших, которые побуждали нас уважать упрямство маршалов; мы старались достигнуть мира, обеспечить будущность человечества, и цель наша нисколько не заключала в себе суежности и желания унижить побежденного врага. В то время идея наша не была понята, а когда герцог Рагузский силою обстоятельств, при Эссоне, увидел себя в необходимости обратиться к ней, то было уже поздно. Его глубокое убеждение приняло, в глазах предубежденных французов, характер преступного отпадения — и отсюда источник всех его горестей и разных огорчений, претерпленных им на политическом поприще. Итак, начались опять представления и ответы, предложения, упорно повторяемые, и новые, еще более сильные возражения. Наконец, после многих споров и шума, герцог Тревизский лучше согласился расстаться с нами. Обязанность, на нем лежащая, сказал он, так велика, что он не может долее медлить и принужден удалиться к войскам для устройства париж-

ской защиты; что же касается до переговоров, то он препоручает их товарищу своему, на решение которого заранее согласен.

Это решение осталось неизменно. Маршал Мармон не склонялся ни на какие представления наши; такое упорство приносит ему тем более чести, что уже со второго часа пополудни он имел при себе полномочие от короля Иосифа не только переговариваться о сдаче Парижа, но и самой армии, с ним бывшей. Итак, обе стороны стояли на своем и переговоры не подавались ни на шаг вперед.

Было уже 8 часов вечера, приближалась ночь. Я заметил графу Нессельроде, что теперь выгода останется на стороне маршалов; нельзя же было и думать о ночном нападении на Париж, а тем не менее это было единственное средство воспрепятствовать выступлению французов из города в определенном направлении и по известной дороге; и, вероятно, маршал Мортье за тем собственно и удалился от нас, чтобы совершить на деле это отступление; что завтра на заре мы найдем Париж предоставленный его собственным силам, а оба маршала будут на походе для соединения с Наполеоном. Из этого я заключил, что надобно было тотчас составить импровизированную капитуляцию или попытаться еще раз вырвать требуемые условия, прекратив переговоры; я предложил, что соглашаюсь остаться заложником в Париже до истечения перемирия. Граф Нессельроде решился на последнее. Он пресек тотчас же переговоры и, представляя меня как заложника маршалу Мармону, дал ему честное слово, что нападение на Париж не будет возобновлено до тех пор, пока я не переступлю чрез русские аванпосты.

Наши поехали в лагерь, а я последовал за герцогом Рагузским в Париж, куда мы и въехали через несколько минут после того. Мы ехали верхом и медленно, в глубочайшей тишине и темноте. Слышен был только раздававшийся топот лошадей наших, и изредка несколько лиц, беспокойных, волнуемых тревожным любопытством, являлось в окнах, которые быстро открывались и опять закрывались. Улицы были пусты; казалось, бесчисленное народонаселение Парижа бежало из него; но оно находилось только в оцепенении. Сами мы, в руках у кого находилась участь такого множества людей, сами мы походили на тихую патруль, объезжавшую улицы оставленного города. Каждый из нас был погружен в мыслях, и мне не приходит на память, чтобы сказано было в продолжение этого переезда хоть одно слово, которое бы стоило быть сохранено. Однажды маршал Мармон подозвал к себе одного из адъютантов и тихим голосом отдал ему какой-то приказ. Адъютант отправился, и чрез несколько минут мы услышали в соседней улице шум, причиняемый отрядом, идущим с пушками. Этот шум не прекращался во все продолжение переезда нашего; его направление совершенно утвердило меня в первой мысли моей, что оба маршала, не желая подвергнуть Париж бедствию, которое бы неминуемо навлекло на

Cantique des Marseillois

Allons enfants de la patrie
Le jour de gloire est arrivé;
Contre nous de la Tyrannie,
L'étendard sanglant est levé (bis)
Entendez-vous dans nos campagnes
Mugir ces féroces soldats?
Ils viennent jusque dans vos bras
Égorger vos fils, vos compagnons.
Aux armes citoyens formez vos bataillons
Marchez, marchez, qu'un sang impur arro-
se nos sillons

Que veut cette horde d'esclaves
De traîtres de trahis conjurés?
Pour qui ces ignobles entraves
Les fers des longtems préparés? (bis)
Grand Dieu par des mains enchaînées
Nos fronts sous le joug plairoient?